

УДК 32(477)"1991"

DOI: 10.18384/2310-676X-2015-4-111-117

Волобуев О.В.*Московский государственный областной университет***КРЫМ В ПОСЛЕДНИЙ ГОД ПЕРЕСТРОЙКИ:
ВОССОЗДАНИЕ КРЫМСКОЙ АССР***

Аннотация. В статье освещаются политическая ситуация и общественные настроения на Крымском полуострове в 1991 г. Раскрываются исторические обстоятельства, которые привели к воссозданию крымской автономии. В частности, инициативы региональной политической и культурной элиты. Показана роль этнонационального фактора в политическом процессе: преобладающее русскоязычное население полуострова, репатриация и консолидация крымских татар, украинский сепаратизм.

Ключевые слова: политическая ситуация, региональная политическая элита, общественные настроения, крымскотатарское движение, референдумы

O. Volobuev*Moscow State Regional University***THE CRIMEA IN THE LAST YEAR OF PERESTROIKA:
RESTORATION OF THE CRIMEAN ASSR**

Abstract. The article highlights the political situation and public sentiment on the Crimean Peninsula in 1991. The historical circumstances that led to the recreation of the Crimean autonomy are described. In particular, the initiative of the regional political and cultural elite is given. The role of ethnic factor in the political process is shown: the prevailing Russian-speaking population of the Peninsula, repatriation and consolidation of the Crimean Tatars, and Ukrainian separatism.

Key words: political situation, regional political elite, public mood, the Crimean Tatar movement, referendums.

1990 год* ознаменовался так называемым «парадом суверенитетов» союзных республик. По мере нарастания национальных движений и расшатывания Советской Федерации все больше волновались о своей будущей судьбе политические элиты, интеллектуалы и все активное население автономий,

как входивших в состав РСФСР, так и в состав других республик. Например, в Грузии мощные потрясения происходили в Абхазии и Южной Осетии. Возвращение на историческую родину охватило крымских татар, проживших до депортации в ликвидированной в июне 1945 г. Крымской АССР. Пик этого возвращения пришелся на 1990 – 1991 гг. К концу 1991 г. их на исторической родине уже насчитывалось свыше 150 тыс. О восстановлении ав-

© Волобуев О.В., 2015.

* Работа выполнена при поддержке гранта Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-31-10169.

тономии в Крыму стало задумываться и его русскоязычное население, так и не почувствовавшее себя «своим» на Украине.

Обратимся к мемуарам «Крым: время надежд и тревог» Н.В. Багрова [2], занимавшем посты сначала председателя Крымского областного Совета народных депутатов, а затем, с марта 1991 г., председателя Верховного Совета воссозданной Крымской АССР. Мемуары Багрова ценны тем, что они написаны человеком умным, учёным (географом по специальности), который привык к размышлениям и умел анализировать. При этом, конечно, осведомленность осведомленностью, но в любых мемуарах неизбежен и известный субъективизм. Разумеется этот период в истории Крыма не мог не привлекать историков и публицистов [3; 5; 6; 8]. Но обстоятельная, концептуальная и детализированная, история Крыма ещё впереди. Свой небольшой вклад в нее, полагаем, может внести и данная статья.

В период перестройки происходила активизация общественных настроений и возникновение политизированных общественных движений и организаций, выступавших «против» правящей коммунистической партии и проводимого ее руководством курса. Один из популярных тогда Народных фронтов в октябре 1989 г. был создан и в Крыму. Уже на его учредительном съезде был выдвинут лозунг «Крым — республиканский статус». Один из инициаторов продвижения этого лозунга в массы будущий (первый и единственный, 1984–1985 гг.) президент Автономной Республики Крым (АРК) Юрий Мешков, который тогда был депутатом Крымского областного

совета депутатов, признается, что он всегда «руководствовался простой схемой: через независимость — в Россию» [7]. Мешков и другие радикальные демократы начали активную борьбу за идею крымской государственности,

Председатель Крымского областного Совета Николай Багров так излагал свое видение общественно-политической ситуации в Крыму в последние годы перестройки. Происходило противостояние общественных сил: с одной стороны — коммунистической партии, с другой — митингово-обывательской среды и либерально-интеллигентских оппонентов. Митингово-обывательская общественность, по его характеристике, объединила людей «реально, а чаще мифологически пострадавших от власти». Ее представители, спекулируя скандальными разоблачениями, развернули широкую кампанию против КПСС. «Идеология этой силы вырабатывалась в очередях, электричках, на площадях и в основном сводилась к примитивному лозунгу «долой!». Но не эти фигуры, полагает мемуарист, оказывали доминирующее влияние на общественное сознание. Его определял тогда широкий круг организационно так и не оформившихся, «нередко высокообразованных, умных, а то и просто талантливых людей», «по тем или иным причинам не вполне удовлетворенных жизнью, не до конца реализовавших свои возможности». Эта общественная сила в фокусе внимания автора, который даёт ей краткую характеристику: «Традиционные для этой среды настроения оппозиционности к властям, столь долго подавлявшиеся, с началом гласности получили неожиданный выход. Критиковать власть стало не толь-

ко можно, но и престижно. Фрондирование входило в норму поведения, а любая поддержка того, что исходило от официальной власти, становилось признаком дурного тона» [2, с. 40, 41].

Вскоре приобретающая все больше сторонников среди русскоязычного населения идея воссоздания крымской автономии, в её умеренном варианте, была поддержана, а затем и реализована представителями региональной политической элиты.

16 июля 1990 г. состоялось провозглашение Декларации о государственном суверенитете Украины. Оценивая значение этого акта, Багров отмечает, что его принятие свидетельствовало «не только о новом этапе строительства суверенного государства, но и о новом качестве политической борьбы, существенном перераспределении сил». Новую политическую ситуацию, полагает он, характеризует «преобладание политических лозунгов, господствующее положение идеи суверенитета Украины, рост активности и наступательности оппозиции, растерянность в рядах Компартии, определенная неуправляемость процессов на местах». К этому он добавляет «поиски врага, ответственного за всё». Последнее расшифровывается: «Так же, как и везде, этот враг был найден в образе Союзного государства, центральной власти и отождествлявшей ее КПСС» [2, с. 140–141]. Можно, конечно, рассуждения о «враге» отнести на счет коммунистических взглядов автора, но, будем честны, анализ в основном достаточно объективен¹.

¹ Происходящие ныне на Украине события подтверждают долговременную правильность диагноза: «поиски врага» есть симптом политической шизофрении.

После Декларации о государственном суверенитете Украины и усилении антикоммунистических и этнонационалистических настроений и выступлений на её территории медлить стало опасно. 10 ноября 1990 г. состоялось Постановление Секретариата ЦК КПСС «О фактах преследования коммунистов в западных областях Украинской ССР». В интервью первого секретаря Тернопольского обкома партии Я.М. Сухого, взятом в связи с этим Постановлением, имелись такие признания: «На Западной Украине появляются новые молодёжные организации открыто профашистского, националистического толка»; «Только начнешь говорить, как тут же тебя заглушают криками: «Ганьба» (позор). «Геть» (вон)»; «Раскручивая морально-психологический террор, давление, применяя угрозы, людей пытаются убирать с работы за убеждения» [7, с. 18–19]. Слово «Рух» стало пугающим для многих жителей Крыма: от него пахло крайним национализмом.

12 ноября 1990 г. (сразу же после упомянутого Постановления Секретариата ЦК КПСС) четвертая сессия областного Совета народных депутатов (при активной поддержке обкома коммунистической партии) принимает решение о проведении референдума с вопросом «Вы за восстановление Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора?». Показательно, что присутствующий на этой сессии председатель Верховной Рады УССР Л.С. Кравчук предложил восстановить автономию решением украинской Рады, что не было воспринято крымскими депутатами.

Конец 1990 – начало 1991 гг. прошли в острой идеологической и полити-

ческой борьбе по вопросу о референдуме. Обозначились его противники в лице радикалов всех мастей. Народный фронт Крыма и другие малые общественные объединения пророссийской ориентации выступали против референдума, ратуя за возвращение полуострова в состав РСФСР. Руховцы боялись автономии как угрозы их плану построения унитарной Украины.

Наиболее конфликтоопасной была проблема возвращения на свою историческую родину крымских татар. Перестройка и продолжение реабилитации депортированных народов оказали решающее влияние на подъем крымскотатарского национального движения. Крымские татары никак не могли вернуться на свою историческую родину из-за препятствий чинимых советской и коммунистической властью как центральной, московской, так и украинской, республиканской, и местной, областной. Но по мере организации и активности крымскотатарское движение, которое переживало подъемы и спады, политически и морально «давило» на партийно-государственные институты страны. Руководство Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД) выступило с призывом бойкотировать референдум. Мотивы здесь были свои. Оба существовавшие тогда крымскотатарские национальные объединения и ОКНД и Национальное движение крымских татар (НДКТ), настаивали на том, что в Крыму должна быть создана этнонационально-территориальная автономия (это была идея исключительно крымскотатарской государственности). Региональную автономию (автономию для всего населения края)

лидеры крымскотатарского движения принципиально отвергали.

Вопреки агитации против автономии голосование за неё в Крыму 20 января 1991 г. на референдуме (первом из них, прошедших на российском и провинциальном уровнях) было сверхуспешным. Количество граждан, принявших участие в голосовании, составило 81,37 % из внесенных в списки. 93,26 % голосовавших высказались за воссоздание Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника Союзного договора. Это был предельно честный и предельно показательный референдум. Киеву ничего не оставалось как признать результаты нежелательного для него референдума. Впереди маячила мечта о независимой Украине, и отвергнуть референдум в Крыму значило поставить под удар возможный в будущем всеукраинский референдум. Депутатам Верховной Рады пришлось после острых дебатов 12 февраля согласиться с итогами крымского референдума. Председатель Рады Л.М. Кравчук подписал документы о восстановлении Крымской АССР и подготовке проекта ее конституции (Подробнее об итогах голосования на референдуме и на заседании Верховной Рады см.: [6, с. 30–32]). 22 марта 1991 г. областной Совет народных депутатов был преобразован в Верховный Совет Крымской АССР. Председателем его был избран Николай Васильевич Багров.

За 4 дня до учреждения высшего законодательного органа Крымской АССР, 17 марта был проведен всесоюзный референдум, который на Украине был совмещен с проведением сопутствующего республиканского опроса. На вопрос референдума «Считаете ли

вы необходимым сохранение СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в котором в полной мере гарантированы права и свободы человека любой национальности?» 87,6 % крымчан, принявших в голосовании, ответили «да». Во всеукраинском республиканском опросе следовало ответить «да» или «нет» на формулировку: «Согласны ли вы с тем, что Украина должна быть в составе Союза Советских суверенных государств на началах Декларации о государственном суверенитете Украины?». На этот вопрос 84,7 % крымчан, принявших участие в голосовании, ответили «да» (Статистику результатов голосования см.: [6, с. 32–33]). Статистическая разница в цифрах референдума и всеукраинского опроса была незначительной и свидетельствовала о желании сохранить союзное государство. Но формулировка всеукраинского опроса допускала разные акценты в толковании судеб союзного государства и Украины, что и произошло в дальнейшем.

После воссоздания автономии перед лидерами крымскотатарского движения встал вопрос о выработке политической линии с учетом новой ситуации. Ставка была сделана на политическую консолидацию крымскотатарской общины, создание органов самоуправления, параллельных государственным, и дальнейшее отторжение этнонационального движения от русскоязычных общественных сил. Конечно, в числе русскоязычных общественно-политических организаций были те, кто негативно воспринимал репатриацию, но в немалом количестве были и такие политики, депутаты и активисты, которые склонялись к

поиску разного рода компромиссов. К числу последних, на наш взгляд, принадлежал и Багров.

В последнюю декаду июня 1991 г. руководители крымскотатарского движения провели съезд народных избранников — курултай. Накануне его созыва состоялась встреча представителей власти с организаторами курултая. В ней, кроме представителей крымской власти, участвовали председатель комиссии по национальной политике и межнациональных отношений Верховного Совета СССР Г.С. Таразевич¹ и зам. председателя аналогичной комиссии Верховного Совета УССР А.В. Корнеев. По мнению Н. Багрова, «нежелание крымско-татарских лидеров идти на диалог с властью...» не способствовало решению обоюдоважных вопросов и «разрушало то хрупкое взаимопонимание, которое мы так настойчиво пытались установить в Крыму между людьми». Свой взгляд на проблему Багров резюмирует так: «Отношения между Верховным Советом и образованным на курултае меджлисом на длительный период, по сути, оказались прерванными...» [2, с. 128, 130]. Мемуарист выделяет следующие коренные расхождения: исключительное право крымских татар на автономную государственность, исключительное право на землю и природные ресурсы, отрицание легитимности Верховного Совета Крыма. Затем он обобщает: «Отношения между Верховным Советом и образованным на курултае меджлисом на длительный период, по сути, оказались прерванными, и я

¹ Г.С. Таразевич участвовал в разрешении межнациональных конфликтов в Грузии, Нагорном Карабахе, Приднестровье. Литве и других местах.

убежден, что далеко не на пользу делу» [2, с. 130].

Вскоре произошли августовские события, потрясшие всю огромную страну с ее союзными и автономными республиками. Не станем давать характеристику положения в стране и в Крыму в дни «форосского заточения» президента СССР и сразу после этих событий. Важно только отметить, что уже 24 августа на сессии Верховной Рады был провозглашен Акт о государственной независимости Украины. На этот момент актив крымской общественности располагал в основе своей уже состоявшейся республикой и главными (кроме конституции), обеспечивавшими ее правовое существование нормативными документами. Не случайно вскоре, 4 сентября 1991 г., последовало принятие Верховным Советом автономии Декларации о государственном суверенитете Крыма.

1 декабря 1991 г. одновременно состоялись общеукраинский референдум о подтверждении Акта о провозглашении независимости Украины и выборы ее первого президента. Исход голосования на выборах можно было прогнозировать и по Украине в целом, и в Крыму. Большинство голосов получил Л.М. Кравчук. В Крыму за его кандидатуру было отдано 56,7 % голосов от числа принявших участие в выборах. Сложнее обстояло дело с голосованием по референдуму. Н. Багров отмечает, – и с ним нельзя не согласиться, – три главных вопроса, волновавших крымчан: «Как будут согласовываться итоги референдума с их волеизъявлением видеть Крым субъектом Союзного договора? Что будет означать независимость Украины для государственности Крыма? Как отразятся ито-

ги референдума на отношениях Крыма с Россией, которая для большинства крымчан ассоциируется не с абстрактным образом «старшего брата, а вполне реальным понятием Родины» [2, с. 206–207]. Однако та Россия, которая была «реальным понятием Родины», в лице Б. Ельцина и его окружения самоустранилась от какого-либо влияния на мнение крымчан. Зато проукраинская пропаганда в Крыму разворачивалась весьма активно. И эти факторы сыграли немалую роль в голосовании на референдуме. В Крыму в судьбоносном голосовании приняло участие 67,7 % граждан. Положительный ответ на вопрос референдума был получен от 54,2 % голосовавших.

Решающим фактором исхода голосования оказалась позиция крымскотатарской части населения, и не в силу его многочисленности, а так как конечный результат в балансе «за» и «против» зависел от нескольких процентов голосов. Это четко сформулировала объективный исследователь крымскотатарского движения С.М. Червонная: «... именно голосами крымских татар на референдуме 1 декабря 1991 г. удалось переломить ситуацию, при которой Крым мог оказаться единственным на Украине регионом, давшим отрицательный ответ на референдуме... [4, с. 73 — 74]¹. На этот раз крымские татары приняли

¹ Такое заключение не должно восприниматься как обвинение. Это лишь констатация исторического факта. И он, с нашей точки зрения, объясним: в общественном сознании крымских татар произошло отождествление отношения к ним со стороны сталинско-хрущевско-брежневского руководства СССР с возможным отношением постсоветского руководства новой Россией, хотя для подобного отождествления реальных оснований не было.

активное участие в референдуме по призыву меджлиса.

Политическая судьба Крыма в том же декабре была на долгий срок решена Беловежскими соглашениями руководителей трех советских союзных республик. Л.М. Кравчук утверждал, что президент России на его вопрос, как быть с Крымом, ограничился взмахом руки и репликой: берите! Такова была позиция Б.Н. Ельцина по отношению к Крыму: для него самым важным было заполучить украинского президента в союзники по развалу СССР. На Л. Кравчука ссылается, в частности, Ю. Мешков: «Есть сведения от Кравчука. Раньше я их не озвучивал из-за понятий допустимого и недопустимого. Сейчас можно. Ельцину было плевать на Крым. Кравчук же сказал мне, что был готов пожертвовать Крымом “с вашими татарскими проблемами”» [8]. Эту позицию подтверждает и разговор депутата Верховного Совета России С.Н. Бабурина с Б.Н. Ельциным по вопросу о Крыме и Севастополе в январе 1992 г. «Б.Н. Ельцин, – вспоминает Бабурин, – был в благодушном настроении: “Сергей Николаевич, ... вы толкаете меня на войну с Украиной. У меня другое видение проблемы: мы будем арендовать часть порта в Севастополе”» [1, с. 55]. Президент России не осознавал ни ценности Крыма как форпоста на Юге, ни значения Севастополя как военно-морской базы Черноморского флота.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бабурин С.Н. Крым и Севастополь. Некоторые правовые и геополитические проблемы // Москва — Крым: Историко-публицистический альманах. Вып. № 1. М., 2000. С. 52–60.
2. Багров Н.В. Крым: время надежд и тревог. Б/м, Б/г. 374 с.
3. Колесов М.С. Россия и Крым на рубеже двух эпох. Публицистика. Севастополь, 2006. 200 с.
4. Крымскотатарское национальное движение. Т. 4. С.М. Червонная. Возвращение крымскотатарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. 1994–1997 годы / под ред. М.С. Губогло. М., 1997. 342 с.
5. Мальгин А.В. Крымский узел. Очерки политической истории Крымского полуострова. 1989–1999. Симферополь: Новый Крым, 2000. 126 с.
6. Рябушкин Д. Крым // Регионы Украины: Хроника и руководители. Т. 3. Крым и Николаевская область / научн. ред. Кимитака Мацузато. Hokkaido unicersiti. Sapporo. 2009. С. 11–124.
7. Сколько можно выжидать? Интервью секретаря Тернопольского обкома Компартии Украины Я.М. Сухого, // Известия ЦК КПСС. 1990, № 12. С. 17–19.
8. Сочнев А. «Ельцину был наплевать на Крым». Первый президент Крыма Юрий Мешков о жизни полуострова во время перестройки [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/08/12/meshkov/> (Дата обращения 5 сентября 2015).